

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.17>

UDC 316.472
LBC 60.54

Submitted: 18.04.2024
Accepted: 15.06.2024

**EXTRACTIVISM IN PERSONS:
REPRODUCTION OF SOCIAL FORCES AND RELATIONSHIPS
IN THE COURSE OF THE NATURAL RESOURCE DEVELOPMENT**

Alexandra E. Piskunova

The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Natural resources permeate social existence, providing our way of life and being invariably present in our thinking about development and well-being. The last decades of unprecedented intensity and scale of extractive industries show that today natural resources are a force that revitalizes sociality. This article is devoted to the social reproduction of extractivism, a system of meanings and practices that organizes the extraction of substances from the environment for profit. In addition to the impact on landscapes and the environmental condition, the natural resource development simultaneously organizes social structures, political mechanisms, and social relations. On the basis of current scientific papers, an attempt is made to systematically characterize the main social forces of extractivism, with special emphasis on common forms of interaction and specific norms. Governance structures promote natural resource extraction as the basis for social development. In the pursuit of quick profits, accompanied by predatory natural resource exploitation, mining companies clearly neglect many negative consequences. Supported by mechanisms of juridical processes, practices of extractive project expertise, and the ideological work of the media, coalitions of government agencies and businesses legitimize many social, political, and environmental costs of extractivism. The local communities in resource extraction areas, as well as the industry workers, directly feel the contradictions of the extractive industries, which are responsible for both prosperity and disadvantage. In recent decades, social movements and activists who strive to challenge the existing social order have become influential social forces. An empirically rich analysis of extractivism as a configuration of relationships between social forces occupying different positions and having competing interests and opportunities seems promising.

Key words: extractivism, natural resources, extractive industries, social relations, mining companies, governance.

Citation. Piskunova A.E. Extractivism in Persons: Reproduction of Social Forces and Relationships in the Course of the Natural Resource Development. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 165-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.17>

УДК 316.472
ББК 60.54

Дата поступления статьи: 18.04.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

**ЭКСТРАКТИВИЗМ В ЛИЦАХ: ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНЫХ СИЛ
И ОТНОШЕНИЙ В ХОДЕ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ**

Александра Евгеньевна Пискунова

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Природные ресурсы пронизывают общественное существование, обеспечивая наш образ жизни и неизменно присутствуя в нашем мышлении о развитии и благополучии. Последние десятилетия небывалой интенсивности и масштабов добывающих индустрий показывают, что сегодня природные ресурсы

оказываются силой, оживляющей социальность. Настоящая статья посвящена социальному воспроизводству экстрактивизма, системы смыслов и практик, организующей извлечение веществ из природной среды для получения прибыли. Помимо влияния на ландшафты и состояние окружающей среды, освоение природных ресурсов одновременно организует социальные структуры, политические механизмы и общественные отношения. На основе актуальных научных работ делается попытка системно охарактеризовать основные социальные силы экстрактивизма с особым акцентом на распространенные формы взаимодействия и специфические нормы. Структуры государственного управления продвигают добычу природных ресурсов как основу общественного развития. Добывающие компании в погоне за быстрой прибылью и при хищническом характере эксплуатации природных ресурсов явно пренебрегают многими негативными последствиями. Коалиции государственных структур и бизнеса, подкрепленные механизмами юридических процессов, практиками экспертизы добывающих проектов и идеологической работой СМИ, узаконивают многие социальные, политические и экологические издержки экстрактивизма. Население в районах добычи ресурсов, как и рабочие отрасли непосредственно ощущают противоречия добывающих индустрий, которые ответственны как за процветание, так и за неблагополучие. В последние десятилетия влиятельными социальными силами стали социальные движения и активисты, которые стремятся оспорить существующий социальный порядок. Перспективным представляется эмпирически насыщенный анализ экстрактивизма как конфигурации взаимоотношений социальных сил, занимающих разные позиции, имеющих конкурирующие интересы и возможности.

Ключевые слова: экстрактивизм, природные ресурсы, добывающие отрасли, социальные отношения, добывающие компании, государственное управление.

Цитирование. Пискунова А. Е. Экстрактивизм в лицах: воспроизводство социальных сил и отношений в ходе освоения природных ресурсов // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 165–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.17>

Введение

Наш век характеризует небывалое по масштабу и интенсивности использование природных ресурсов и расширение добывающих отраслей. Понятие «экстракция» в наиболее общем смысле определяет извлечение веществ и материалов из окружающей среды. Она может относиться как к массовой промышленной добыче полезных ископаемых (угля, нефти, золота), так и освоению других природных ресурсов (вода, лес, рыба). Важный акцент – добывается то, что считается ценным, для преобразования в широкий спектр средств производства или товаров.

Однако современная общественная жизнь наполняет такое буквальное определение распространенными и кажущимися привычными реалиями вроде неравенства, насилия, конфликтов, загрязнения окружающей среды. Для осмысления особых способов взаимодействия людей с природными ресурсами, а также лежащей в их основе логики используют термин «экстрактивизм». Он фигурирует как в общественных дискуссиях, так и в академическом поле для обозначения добывающей деятельности, политики и идеологий, способов мышления, которые основаны

на присвоении природы с целью максимизации выгоды [Durante, Kröger, LaFleur 2019]. Экстрактивизм фундаментально встроено в динамику капиталистической системы в условиях глобального рынка, особенно в контексте неолиберальных политик [Gudynas 2018]. Термин подчеркивает насильственную логику изъятия, действующую без взаимности, через истощение и разрушение.

Несмотря на своеобразие добывающих проектов и множество локальных контекстов, в разных частях мира обнаруживаются схожие логики и явления. В настоящей работе утверждается, что такое единообразие возникает через воспроизводство социальных сил и отношений в ходе освоения природных ресурсов. Цель статьи – на основе обобщения научной литературы продемонстрировать, кем и как воплощается социальная «архитектура» экстрактивизма. Прежде всего, критически проанализированы устойчивые представления о социальном поле экстрактивизма. В основной части приводится аналитическая экспозиция основных позиций, в рамках которых возникают взаимоотношения по поводу освоения природных ресурсов. В заключение предлагаются заметки к методологии дальнейших исследований.

Социальные структуры экстрактивизма: критические замечания

Практики освоения природных ресурсов не только возникают в определенном социальном пространстве, но и формируют общественные структуры и отношения. Вопрос в том, как продуктивно осмыслить все сложности такого социального структурирования. Как предмету социального дискурса и фокусу анализа, экстрактивизму зачастую не удается избежать упрощений и упущений.

Во-первых, считается, что процессы добычи определяются геологическими факторами, технологическими составляющими и экономическими императивами производительности и прибыли. Такая «реалистическая» картина оставляет без внимания или даже затемняет многие социально-политические условия и широкий круг вовлеченных участников.

Во-вторых, обсуждения добычи и использования природных ресурсов нередко представляют несколько безагентную картину. Уругвайский журналист и аналитик Р. Зибечи запечатлел эту тенденцию в провокационной формулировке, что «экстрактивизм создает общество без субъектов» [Benito web]. Многие социальные агенты постепенно теряют политическую автономию, утрачивают свою субъектность, включаются в социальное поле как объекты. В политической экономике и добывающих индустриях доминирует деперсонализация и близорукий взгляд, который отделяет экстрактивистские практики и ресурсные экономики от социальной политики и властных стратегий, которые ими управляют [Gilberthorpe, Rajak 2016].

В-третьих, при рассмотрении заинтересованных сторон формируется устойчивая триадная модель «государство, корпорация, местные сообщества» [Stammler, Wilson 2006]. Ее применение к отдельным отраслям или конкретным районам не позволяет не только включить другие значимые общественные силы (например, неправительственные организации или средства массовой информации), но также осознать внутренние сложности конкретных участников. Кроме того, эта триада оказывается ценностно и политически не нейтральной. В обзорах присутствуют распространенные карикатурные искажения – монолит-

ная и угрожающая фигура добывающей компании, готовой на все, чтобы извлечь максимальную выгоду, «слабое» государство, местные жители, предстающие как жертвы добывающей индустрии. Еще одно серьезное ограничение такой аналитики – зачастую нерелексивно применяется бинарный подход к оценке эффектов и воздействий добывающей отрасли, который скрывает взаимосвязанность многих результатов, их комплексную природу. Две доминирующие категории, в которые помещается добыча ресурсов – «благополучие» и «проклятие».

В-четвертых, исследователи экстрактивизма, как метко указывает Дж. Вольф, по большому счету, разделяют две нормативные предпосылки [Wolff 2017]. Первая заключается в том, что экстрактивизм, вообще говоря, является «плохой» вещью, поскольку разрушает окружающую среду, а также отрицательно влияет на благополучие местного населения. Вторая подразумевает, что пострадавшие должны иметь право на решения, касающиеся того, что происходит на их территориях. Критически настроенные ученые склонны рассматривать местные попытки оспаривания как благо или даже отождествлять себя с участниками, предъявляя претензии на выражение и продвижение их интересов.

В поисках лучшего понимания социального устройства экстрактивизма далее предложим характеристику основных вовлеченных субъектов с особым акцентом на институционализированные нормы деятельности, реальные паттерны поведения и мышления, а также основные формы и содержание их взаимодействий. Для точности представления сгруппируем акторов в соответствии с различными горизонтами власти. Как в любом другом социальном поле, в контексте экстрактивизма одни имеют больше возможностей и средств, чтобы определять его контуры – устанавливать доминирующие смыслы, задавать структуры и практики, заставляя их функционировать в свою пользу, чем другие.

«Сильные» позиции

Субъекты способны сохранять и трансформировать объективные условия, навязывать свои интересы.

Важнейшими являются социальные институты и структуры, распределенно осуществляющие государственную власть: к ним можно отнести национальные правительства и местные администрации; органы, осуществляющие государственное управление в сфере недропользования; законодательные органы; контролирующие и надзорные структуры. Ключевая роль государства в экстрактивизме обеспечивается фиксированной монополией, позволяющей распоряжаться национальными ресурсными богатствами от лица граждан и получать прибыль (ресурсную ренту) от их реализации [Bridge 2014].

Распространено мнение, что государственная политика во многих богатых природными ресурсами странах благоприятствует крупномасштабным экстрактивистским проектам. М. Арсель, Б. Хогенбум и Л. Пеллегрини связывают телеологический приоритет добывающей деятельности в государственном управлении с укреплением «императива добычи» (the extractive imperative) [Arsel, Hogenboom, Pellegrini 2016]. В его основе – три идеологических положения: интенсификация добычи – необходимый и неизбежный шаг в процессе структурных преобразований на пути к более высокому уровню развития; такой переход должен быть организован и в значительной степени осуществлен государством; и сокращение бедности и неравенства имеет первостепенное значение.

Реализация ориентированной на освоение природных ресурсов политики зависит от позиции государства в процессах управления. Сокращение роли государства и дерегулирование рынков капитала и товаров соответствуют неолиберальному курсу, особенно распространенному в середине 1980-х гг. на волне реформ в странах Латинской Америки [Veltmeyer 2013]. «Неоэкстрактивизм» как модель развития, напротив, определяет возросшее присутствие государства в добывающих секторах и предусматривает национализацию сырьевых секторов и корпораций, пересмотр концессий и контрактов на эксплуатацию ресурсов, реинвестирование доходов в реализацию социальных программ [Acosta 2013].

Государство может определять контуры экстрактивизма:

– через создание, модификацию и внедрение правовых рамок и юридических механизмов в вопросах использования земли и ресурсов. Зачастую изменение законов, связанное с «гибкостью» или «упрощением» экологических норм и стратегий территориального планирования, а также позиция регулирующих органов явно благоприятствуют расширению добывающих отраслей;

– экономическую политику и налогообложение, которые связаны с получением доходов от добывающей деятельности и их распределением.

Эффективное государственное управление ресурсным богатством должно приводить к национальному развитию и благополучию. Однако зачастую оно может «искажать» институты и негативно влиять на качество принимаемой политики. Противоречивые следствия ресурсного изобилия объединяются понятием «ресурсное проклятье», по-прежнему остающимся дискуссионным. Страны превращаются в государства-рантье, которые живут за счет ренты, а не трудовых доходов. Происходит усиление авторитарных тенденций, нечестная конкуренция, увеличение коррупции, ограничение развития и использования человеческого капитала [Росс 2019]. Широко распространены кумовство и патронаж, поощряющие «погоню за рентой».

Поскольку мобилизация общественности может приводить к приостановке экстрактивистских проектов, к свержению администраций и другим формам волеизъявления, успех и «выживание» правительств зависит от реализации определенных политических риторик и дискурсивных стратегий. К ним можно отнести «ресурсный национализм», представление о том, что государство и его население должны управлять и распределять прибыль, получаемую от природных ресурсов [Koch, Perreault 2019], и «экстрактивный популизм», убеждение, что добыча и экспорт ресурсов составляют ядро национальной экономики и обеспечивают широкий спектр выгод для всех жителей страны [Kojola 2018].

Однако если общественность становится слишком эффективной в ограничении проектов или развития, для продвижения экстрактивистского курса государство нередко готово пренебречь своими обязательствами в об-

ласти прав человека и охраны окружающей среды. Формами структурного и символического насилия, позволяющими поддерживать социальный порядок, являются неравный доступ к ресурсам и отсутствие правовой защиты; ограничение гражданского участия в обсуждениях, прав на публичные судебные разбирательства; политика непризнания и криминализация, которые представляют протесты, связанные с добычей ресурсов, как преступные и непатриотичные [Raftopoulos 2022].

Доминирующей силой, стимулирующей экстрактивистские проекты, являются компании, занимающиеся добычей природных ресурсов. Мировая добывающая отрасль характеризуется сложной сетью компаний разного размера: крупные и средние компании часто полагаются в своих разработках на юниоров и берут на себя проекты или приобретают целые компании.

Независимо от характеристик, добывающим компаниям присуще особое видение и корпоративная идеология, представляющие структурное и экономическое стремление отдавать приоритет краткосрочному накоплению богатства независимо от социальных и экологических эффектов [Shever 2022]. Формируется особая этика отстраненности, которая позволяет им ограничивать свою ответственность за последствия экстрактивизма. Ясно, что деятельность компаний разворачивается в определенной институциональной среде. Формально государственное управление задает регламенты и ограничения, в которых действует бизнес, однако в реальной практике отмечаются партнерства, лоббирование частных интересов и злоупотребление полномочиями.

Наблюдаются многообразные эффекты присутствия компаний в районах добычи природных ресурсов. Со времен перехода к масштабному использованию энергии ископаемого топлива в XIX в. и до сих пор добывающие компании участвуют в развитии инфраструктуры, образования, здравоохранения. Однако в последние десятилетия усиливается противоположная тенденция, когда деятельность компаний оказывается все более оторванной от местных реалий. Формируются анклавные, относительно изолированные, но высокопроизводительные части политико-экономических

систем, в которых доминируют иностранные корпорации [Саблин 2022]. Анклавирирование практически не приносит выгод для мест, в которых происходит добыча.

В деятельности добывающих компаний отношения с общественностью занимают центральное место. Значение имеют не только решения и политика, проводимая топ-менеджерами компаний, но также деятельность отделов устойчивого развития и по связям с общественностью. Основные усилия направлены на формирование лояльности, положительного имиджа и бренда компании.

Добывающие компании взаимодействуют:

1) через механизмы убеждения. В первую очередь, используются формы «мягкой силы»: предоставление рабочих мест, компенсационные выплаты, инфраструктурные проекты и программы обучения или переселения. Однако переговоры редко ведутся на равных, и имеется множество свидетельств того, что местные сообщества заключают невыгодные сделки, особенно когда фирмы сами организуют и направляют переговоры.

Усилия по внедрению более социальных, этичных и устойчивых способов ведения бизнеса реализуются компаниями посредством корпоративных проектов. Особенное распространение получили:

– программы корпоративной социальной ответственности (КСО). Они являются добровольными, регулируются разными, зачастую неформальными кодексами и могут охватывать целый ряд различных видов деятельности, которые направлены на увязку успеха компании и процветания сообщества [Поддубиков, Кофанова 2022];

– концепции «социальной лицензии на деятельность» (social license to operate – SLO). Добывающим предприятиям требуется не только официальная лицензия, но и неформальные и основанные на сообществе (то есть «социальные») формы оформления и принятия [Рябова, Дидык 2015];

– механизмы участия и консультаций, которые направлены на информирование, выяснение мнений представителей общественности и активное вовлечение в процесс принятия решений [Le Billon, Middeldorp 2021].

Однако критически настроенные ученые и активисты подвергли сомнению предпосыл-

ки и практики этих инициатив, результаты которых оказываются неоднозначными. Как желательные модели взаимодействия, они неизбежно терпят неудачу, потому что исходят из бизнес-императива добывающей компании, то есть императива добывающей активности, и не могут критически подходить к общественно важным вопросам типа «для чего мы должны добывать?», «кто / что страдает больше всего?», «стоит ли заниматься добычей, если другим так много есть, что терять?». На практике задокументировано множество случаев, как эти программы реализуются для ограничения потенциала сообществ, манипулирования дебатами, связанными с добычей ресурсов, превращаясь в средство усиления экспансии экстрактивизма, метод «узаконивания хищений» [Murrey, Jackson, Volonterio 2023];

2) различные формы манипулирования (нечестность, ложные и неудовлетворенные обещания, нарушения соглашений). Чем более экономически и политически уязвимо население, тем легче компании манипулируют им. По крайней мере, компании часто преуменьшают (или полностью игнорируют) издержки для сообществ, связанные с их деятельностью, в то же время преувеличивая (неявно или явно) выгоды, которые проекты, вероятно, принесут [Kemp et al. 2011];

3) различные формы насилия, используемые для присвоения земли и ресурсов, а также навязывания своей политики [Frederiksen, Himley 2020]. Репрессивные практики включают не только прямые угрозы или применение физического насилия, но и оказание постоянного давления через ограничение свободы высказываний и свободы собраний, обыски и незаконные приводы местных жителей.

Добывающие компании также выступают субъектами трудовых отношений. В прошлом разработка месторождений требовала притока рабочей силы, что оказывало значимое структурное воздействие на урбанизацию и социальную плотность [Magrin, Pertier-Bruslé web]. Сегодня наблюдается отраслевая тенденция к сокращению рабочих мест, снижению заработной платы низкоквалифицированных работников. Хотя исторически экстрактивизм включал в себя некоторые из наихудших форм трудовой эксплуатации, в то

же время аргументы в пользу обеспечения занятости и обещания экономических выгод до сих пор позволяют добывающим компаниям и местным властям оправдывать расширение экстрактивизма. Важный пункт в отношениях между компаниями и рабочими – обеспечение условий труда. Большое количество положений и норм делает многие операции нерентабельными, поэтому зачастую предписания не соблюдаются, что приводит к трудовым конфликтам и несчастным случаям.

«Слабые» позиции

Субъекты имеют ограниченные возможности для «определения ситуации», хотя в определенных условиях включаются в процессы оспаривания существующего порядка.

В контексте добывающих отраслей субъектность обретает профессиональное сообщество (майнеры, шахтеры, рабочие). Различные структурные факторы (неравенство, человеческий и социальный капитал, социальная принадлежность и прочее) вынуждают людей переезжать в районы, вблизи которых ведется добыча ресурсов, и выполнять опасную работу, чтобы получать стабильный заработок и обеспечить достойную жизнь семье [Smith Rolston 2013].

Специфику социальных групп работников добывающей отрасли определяют условия работы. Непривлекательность для проживания территорий, около которых ведется добыча ресурсов, создает моноотраслевые, однородные социальные группы, которые закреплены в пространстве и зачастую изолированы от другого населения [Araya et al. 2019]. Кроме того, высокая интенсивность физического труда и постоянный риск для здоровья и жизни формируют у них особую солидарность, которая становится основой выстраивания сильной идентичности, связанной с профессией [Herrero, Lemkow 2015]. Добыча ресурсов имеет мощное социально-политическое измерение, связанное с деятельностью профсоюзов, протестами, забастовками шахтеров.

Современные добывающие проекты, вписанные в динамику «бумов и спадов», связаны с трудовой миграцией, работой вахтой, избытком трудовых ресурсов на местах добычи (в

связи с механизацией и технизацией). Происходит фрагментация местных сообществ и ослабление коллективных связей, а также изменение социального статуса и уровня престижа шахтеров в обществе. Они представляются как маргинализованная группа: бедные, малообразованные, живущие в «отсталых» городах.

Один из ключевых субъектов экстрактивизма – местное население, проживающее вблизи добывающих проектов и непосредственно испытывающее их воздействие. По-прежнему динамика экстрактивизма связана с активным занятием территорий с низкой плотностью населения, районов компактного проживания сообществ, преимущественно ведущих натуральное хозяйство и практикующих традиционные промыслы. Особого внимания требует ситуация с коренными народами и этническими сообществами, культурная самобытность и мировоззрение которых тесно связаны с ландшафтом [Поддубиков, Осипов 2014]. Несмотря на то что защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни закреплена в правовом и юридическом поле, остается много противоречий и «темных» зон, использующихся в пользу про-экстрактивных коалиций.

Хотя экстрактивистская политика ясно указывает на то, что природные ресурсы должны приносить пользу жителям, тем не менее в районах добычи люди бедны, а условия жизни неудовлетворительны. Есть множество свидетельств того, что люди имеют повышенные проблемы со здоровьем и риски, включая врожденные дефекты, сердечно-сосудистые заболевания и рак. Кроме того, непрерывную озабоченность затронутых сообществ вызывают негативные воздействия на окружающую среду [Gomezulu, Sumary 2013].

При этом местное население зачастую характеризует пассивность и высокая степень лояльности к существующему общественному порядку. Она складывается из экономической зависимости от добывающих отраслей (как источника семейного дохода или основы местной монопрофильной экономики), а также неспособности сообществ с низким политическим и экономическим капиталом к коллективному действию. Укоренившиеся стратегии властных элит маскируют неравенства и скрывают насилие, представляя текущее положение

дел неизбежным и отрицая возможность альтернатив. Среди местных жителей культивируется «культура молчания» и вера в то, что ничего нельзя сделать.

Однако в последние годы все более заметными становятся случаи социальной мобилизации и активизма в регионах добычи. Несогласие с положением дел мотивирует разнообразные формы оспаривания экстрактивизма (*contestation over extractivism*) [Dietz, Engels 2017]. Местные сообщества могут полностью отвергать добычу природных ресурсов на «своей» территории. Либо предметом спора оказываются отдельные нормы и политические реформы – от борьбы за минимизацию негативных последствий для местных источников средств к существованию и/или распределения выгод от добычи ресурсов до выступлений, которые отвергают «только» присвоение ресурсов иностранными и/или частными компаниями. На переднем крае дискуссий, касающихся добывающих проектов, по-прежнему остаются экологические проблемы и земельные отношения. Усиление борьбы фиксируется во взрыве социально-экологических конфликтов [Svampa web], активной мобилизации защитников земли (*land defenders*), низовых аграрных организаций и движений, отстаивающих сохранение возможностей для собирательства, рыболовства и продовольственного суверенитета [Graddy-Lovelace 2021].

Некоторые мероприятия активистов носят мирный характер и основаны на сотрудничестве; другие представляют более яркие проявления несогласия. К формам коллективного действия относятся марши и демонстрации, блокирование дорог и подъездов, пресс-конференции, сбор подписей, судебные иски, критика новых законов о добыче [Renfrew, Santos 2017].

«Поддерживающие» позиции

Субъекты значимо включены в существующие отношения и порядки, при определенных условиях усиливая, ослабляя или трансформируя возможности субъектов «слабых» и «сильных» позиций.

Осуществление добывающих проектов тесно сопряжено с работой различных экспер-

тов и консультантов в области геологии, химии, физики, инженерии, экономики и других. Фактически каждый этап добывающего проекта – от планирования и разведки до завершения – не обходится без специализированных данных и технологий. Отраслевое спонсорство, различные формы влияния, подкуп зачастую приводят к поразительной нехватке независимых специалистов, особенно в сфере лицензирования, оценки воздействия и контроля за деятельностью [Carrington 2013]. Таким образом происходит легитимация деятельности компаний, зачастую скрывающая нарушения и негативные последствия.

Возможность действия в публичной сфере, а также значимость общественного мнения делают широкие слои населения регионов и стран включенными в социальное поле экстрактивизма. Общественность формирует представления относительно того, как должна вести себя отрасль и к каким результатам приводить. Как «граждане страны», люди рассматривают экстрактивистские проекты как требующие компромиссов. Добыча природных ресурсов воспринимается как необходимая, но экономические выгоды должны быть сбалансированы с экологическими и социальными интересами. От добывающих компаний ожидают минимизации воздействия на окружающую среду, поддержки местных сообществ и заботы о них, поддержания «сильной» экономики, обеспечения занятости и заботы о работниках, поддержки международного авторитета [Mason et al. 2014]. Широко распространено мнение, что добыча ресурсов является благом для местной экономики, несмотря на массу доказательств обратного. Люди, непосредственно не затронутые добывающими проектами, склонны переоценивать экономические эффекты отрасли, упуская из виду многие риски [Blaacker, Woods, Oliver 2012].

Неоспорима роль средств массовой информации и социальных медиа. Они не только служат важным связующим звеном между публичной сферой и лицами, принимающими решения, но и оказывают влияние на содержание общественного сознания и формирование повестки по вопросам ресурсопользования, обеспечивают легитимность определенным субъектам и их интересам [Pinto, Prado, Tirado-Alcaraz 2017]. В первую очередь,

складываются альянсы СМИ с политическими и экономическими элитами, способствующие продвижению экономических интересов [Gilding et al. 2013]. Освещение событий в СМИ районах добычи ресурсов и странах с добывающими экономиками строго привязано к официальным источникам, рамкам и перспективам (высказываниям государственных деятелей и представителей корпораций). Мнение населения, возражающего против добывающей деятельности, либо замалчивается, либо маргинализируется. Действия «пострадавших» часто изображаются как вторжение, протест, нарушение общественного порядка. И наоборот, государственные деятели воспринимаются положительно как выполняющие ожидаемые от них обязанности социально конструктивными способами. СМИ значимо влияют на восприятие окружающей среды. Освоение природных ресурсов не характеризуется как экологическая проблема, а ухудшение экологии и вред здоровью в местах добычи оказываются в значительной степени невидимыми [Lehotský et al. 2019].

Поскольку экстрактивизм относится к глобальным явлениям и процессам, его реализация связана с континентальными и глобальными структурами и силами. Добывающие отрасли функционируют в контексте динамики мировой экономики и деятельности транснациональных корпораций, ситуации на глобальном рынке сырья, а также изменений международных отношений. Значительную роль имеют международные институты, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), и международные объединения, такие как Организация стран – экспортёров нефти (ОПЕК), БРИКС, Латиноамериканская ассоциация интеграции. Экстрактивизм связан с международными нормами, регулируемыми не только добычу, но и условия труда работников, механизмы торговли, управление производством (например, комплекс международных стандартов ISO 9000). Динамика добычи природных ресурсов в глобальном масштабе складывается из макроэкономических решений, например, принятие «Вашингтонского консенсуса» (ряда мер, направленных на усиление роли рыночных сил и снижение роли государственного сектора),

Парижского соглашения по климату (2015) и соглашений о необходимости глобального поэтапного отказа от ископаемого топлива для снижения выбросов парниковых газов.

Заключение

В настоящей статье изложено общее представление о социальном устройстве экстрактивизма. Оно может способствовать дальнейшему изучению региональных и национальных контекстов и описанию отдельных кейсов. Как представляется, облики экстрактивизма возникают из различных социальных конфигураций действующих лиц и их взаимоотношений. Методология эмпирически насыщенного анализа предполагает:

1) акцент на *множественности*, которая касается как разнообразия действующих лиц – корпоративных, коллективных и индивидуальных, которые вовлекаются в структуры и практики экстрактивизма, так и конкурирующих систем ценностей и значений;

2) признание *неоднородности* участников разных масштабах. «Корпорация», «государство» или «местное сообщество» не представляют монолитные, внутренне согласованные социальные единицы; это конкретные люди с различными подходами и интересами, которые благодаря определенным практикам и паттернам могут представлять и действовать от имени корпоративных структур;

3) внимание к *реляционности* и *динамизму* социальных связей и отношений. Даже такие «устойчивые структуры», как государство или корпорация, не существуют сами по себе, а требуют постоянных усилий широкого круга людей, которые их создают, поддерживают и по необходимости пересматривают;

4) отслеживание *переговоров* и *процессов согласования*, в которых возникают и стабилизируются структуры и практики ресурсопользования. Экстрактивизм – это не продукт одного актора, а коллективное достижение, порожденное противоречивыми требованиями, конкуренцией, напряжениями и диспропорциями.

Экстрактивизм формирует уникальные опыты общественной организации, детальный анализ которых оказывается востребованной задачей в рамках социальной теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Поддубиков, Кофанова 2022 – Поддубиков В.В., Кофанова Е.А. Между выгодой и этикой: социальная ответственность корпораций глазами антропологов // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 214–246.
- Поддубиков, Осипов 2014 – Поддубиков В.В., Осипов К.И. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология, факторы, модели конфликтогенеза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3, № 3. С. 122–127.
- Росс 2019 – Росс М. Политические аспекты «ресурсного проклятия» // Неприкосновенный запас. 2019. № 4 (126). С. 35–65.
- Рябова, Дидык 2015 – Рябова Л.А., Дидык В.В. Социальная лицензия на деятельность ресурсодобывающих компаний как новый инструмент муниципального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 61–82.
- Саблин 2022 – Саблин К.С. Анклавы богатства и политические связи крупного бизнеса в странах с развивающимися рынками // Journal of Economic Regulation. 2022. № 13 (4). С. 55–64.
- Acosta 2013 – Acosta A. Extractivism and Neoextractivism: Two Sides of the Same Curse // Beyond Development: Alternative Visions from Latin America. Amsterdam: Transnational Institute, Rosa Luxemburg Foundation, 2013. P. 61–86.
- Araya et al. 2019 – Araya J., Azócar C., Azócar C., Mayol A. Exploring the Daily Life of Mining Communities: The Case of Antofagasta, Chile // Rural Society. 2019. Vol. 28, № 33. P. 226–239.
- Arsel, Hogenboom, Pellegrini 2016 – Arsel M., Hogenboom B., Pellegrini L. The Extractive Imperative in Latin America // The Extractive Industries and Society. 2016. Vol. 3, № 4. P. 880–887.
- Benito web – Benito V. “Extractivism Creates a Society Without Subjects”: Raúl Zibechi on Latin American Social Movements [Upside Down World, 2015] // <https://upsidedownworld.org/archives/international/extractivism-creates-a-society-without-subjects-raul-zibechi-on-latin-american-social-movements/>
- Blaacker, Woods, Oliver 2012 – Blaacker D., Woods J., Oliver C. How Big Is Big Coal? Public Perceptions of the Coal Industry’s Economic Impact in West Virginia // Organization & Environment. 2012. Vol. 25, № 4. P. 385–401.
- Bridge 2014 – Bridge G. Resource Geographies II: The Resource-State Nexus // Progress in Human Geography. 2014. Vol. 38, № 1. P. 118–130.
- Carrington 2013 – Carrington K. Corporate Risk, Mining Camps and Knowledge/Power // Ball M.,

- Tauri J., O'Brien E., Carrington K. (eds.). *Crime, Justice and Social Semocracy: International Perspectives*. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 295–314.
- Dietz, Engels 2017 – *Dietz K., Engels B.* Contested Extractivism, Society and the State: An Introduction // Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 1–19.
- Durante, Kröger, LaFleur 2019 – *Durante F., Kröger M., LaFleur W.* Extraction and Extractivisms. Definitions and Concepts // Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London: Routledge, 2021. P. 19–30.
- Frederiksen, Himley 2020 – *Frederiksen T., Himley M.* Tactics of Dispossession: Access, Power, and Subjectivity at the Extractive Frontier // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2020. Vol. 45, № 1. P. 50–64.
- Gilberthorpe, Rajak 2016 – *Gilberthorpe E., Rajak D.* The Anthropology of Extraction: Critical Perspectives on the Resource Curse // *The Journal of Development Studies*. 2016. Vol. 53, № 2. P. 186–204.
- Gilding et al. 2013 – *Gilding M., Merlot E., Leitch S., Bunton V., Glezos L.* Media Framing of the Resources Super Profits Tax // *Australian Journal of Communication*. 2013. Vol. 39, № 3. P. 23–40.
- Gomezulu, Sumary 2013 – *Gomezulu E.S., Sumary D.P.* Community Perceptions on the Impacts of Mining to the Surrounding Communities and on the Natural Resource Management: A Case Study Around Buzwagi Mining Project // *Tanzania Journal of Natural and Applied Sciences*. 2013. Vol. 4, № 1. P. 582–586.
- Graddy-Lovelace 2021 – *Graddy-Lovelace G.* Leveraging Law and Life: Criminalization of Agrarian Movements and the Escazú Agreement // Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London: Routledge, 2021. P. 94–113.
- Gudynas 2018 – *Gudynas E.* Extractivisms: Tendencies and Consequences // Munck R., Wise R.D. (eds.). *Reframing Latin American Development*. London: Routledge, 2018. P. 61–76.
- Herrero, Lemkow 2015 – *Herrero A., Lemkow L.* Environmentally Blind Discourses on Coal Extraction and the Idealization of the Miner in Spain // *Capitalism Nature Socialism*. 2015. Vol. 26, № 4. P. 215–235.
- Kemp et al. 2011 – *Kemp D., Owen J.R., Gotzmann N., Bond C.J.* Just Relations and Company-Community Conflict in Mining // *Journal of Business Ethics*. 2011. Vol. 101. P. 93–109.
- Koch, Perreault 2019 – *Koch N., Perreault T.* Resource Nationalism // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43, № 4. P. 611–631.
- Kojola 2018 – *Kojola E.* Bringing Back the Mines and a Way of Life: Populism and the Politics of Extraction // *Annals of the American Association of Geographers*. 2018. Vol. 109, № 2. P. 371–381.
- Le Billon, Middeldorp 2021 – *Le Billon P., Middeldorp N.* Empowerment or Imposition? Extractive Violence, Indigenous Peoples, and the Paradox of Prior Consultation // Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London: Routledge, 2021. P. 71–93.
- Lehotský et al. 2019 – *Lehotský L., Černoč F., Osička J., Ocelík P.* When Climate Change is Missing: Media Discourse on Coal Mining in the Czech Republic // *Energy Policy*. 2019. Vol. 129. P. 774–786.
- Magrin, Perrier-Bruslé web – *Magrin G., Perrier-Bruslé L.* New Geographies of Resource Extraction. Introduction [EchoGéo. 2011. № 17] // <http://journals.openedition.org/echogeo/13093>
- Mason et al. 2014 – *Mason C.M., Paxton G., Parsons R., Parr J.M., Moffat K.* “For the Benet of Australians”: Exploring National Expectations of the Mining Industry // *Resources Policy*. 2014. Vol. 41. P. 1–8.
- Murrey, Jackson, Volonterio 2023 – *Murrey A., Jackson N.A., Volonterio M.* Social Licence to Operate: The Role of an Idea in the Colonial Logics of Extractivism // *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*. 2023. Vol. 15, № 1. P. 1–18.
- Pinto, Prado, Tirado-Alcaraz 2017 – *Pinto J., Prado P., Tirado-Alcaraz J.A.* Mediated Neo-Extractivism and National Development // *Environmental News in South America*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 143–163.
- Raftopoulos 2022 – *Raftopoulos M.* Extractivism, Territorialization, and Displacement in Latin America // Jensen S.B., Schröder R., Soriano O.A. (eds.). *Situating Displacement Explorations of Global (Im)Mobility*. Berlin: Peter Lang, 2022. P. 109–124.
- Renfrew, Santos 2017 – *Renfrew D., Santos C.* Mega-Mining Sovereignty: Landscapes of Power and Protest in Uruguay’s New Extractivist Frontier // Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.). *EXTRACTiON: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*. N.Y.: Routledge, 2017. P. 31–45.
- Shever 2022 – *Shever E.* Corporations // D’Angelo L., Pijpers R.J. (eds.). *The Anthropology of Resource Extraction*. London: Routledge, 2022. P. 21–38.

- Smith Rolston 2013 – *Smith Rolston J.* Specters of Syndromes and the Everyday Lives of Wyoming Energy Workers // Strauss S., Rupp S., Love T. (eds.). *Cultures of Energy: Power, Practices, Technologies*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2013. P. 213–226.
- Stammler, Wilson 2006 – *Stammler F., Wilson E.* Dialogue for Development: An Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State // *Sibirica: The Journal of Siberian Studies*. 2006. Vol. 5, № 2. P. 1–42.
- Svampa web – *Svampa M.* Neo-Extractivism in Latin America. Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives. Cambridge University Press, 2019 // <https://maristellasvampa.net/wp-content/uploads/2019/11/libro-Neo-extractivism-in-Latin-America-in-Cambridge.pdf>
- Veltmeyer 2013 – *Veltmeyer H.* The Political Economy of Natural Resource Extraction: A New Model or Extractive Imperialism? // *Canadian Journal of Development Studies*. 2013. Vol. 34, № 1. P. 79–95.
- Wolff 2017 – *Wolff J.* Contesting Extractivism: Conceptual, Theoretical and Normative Reflections // Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 243–255.
- Alternative Visions from Latin America*. Amsterdam, Transnational Institute, Rosa Luxemburg Foundation, pp. 61–86.
- Araya J., Azócar C., Azócar C., Mayol A., 2019. Exploring the Daily Life of Mining Communities: The Case of Antofagasta, Chile. *Rural Society*, vol. 28, no. 33, pp. 226–239.
- Arsel M., Hogenboom B., Pellegrini L., 2016. The Extractive Imperative in Latin America. *The Extractive Industries and Society*, vol. 3, no. 4, pp. 880–887.
- Benito V., 2015. “Extractivism Creates a Society Without Subjects”: Raúl Zibechi on Latin American Social Movements. *Upside Down World*. URL: <https://upside-down-world.org/archives/international/extractivism-creates-a-society-without-subjects-raul-zibechi-on-latin-american-social-movements/>
- Blaacker D., Woods J., Oliver C., 2012. How Big Is Big Coal? Public Perceptions of the Coal Industry’s Economic Impact in West Virginia. *Organization & Environment*, vol. 25, no. 4, pp. 385–401.
- Bridge G., 2014. Resource Geographies II: The Resource-State Nexus. *Progress in Human Geography*, vol. 38, no. 1, pp. 118–130.
- Carrington K., 2013. Corporate Risk, Mining Camps and Knowledge/Power. Ball M., Tauri J., O’Brien E., Carrington K. (eds.). *Crime, Justice and Social Democracy: International Perspectives*. London, Palgrave Macmillan, pp. 295–314.
- Dietz K., Engels B., 2017. Contested Extractivism, Society and the State: An Introduction. Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London, Palgrave Macmillan, pp. 1–19.
- Durante F., Kröger M., LaFleur W., 2019. Extraction and Extractivisms. Definitions and Concepts. Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London, Routledge, pp. 19–30.
- Frederiksen T., Himley M., 2020. Tactics of Dispossession: Access, Power, and Subjectivity at the Extractive Frontier. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 45, no. 1, pp. 50–64.
- Gilberthorpe E., Rajak D., 2016. The Anthropology of Extraction: Critical Perspectives on the Resource Curse. *The Journal of Development Studies*, vol. 53, no. 2, pp. 186–204.
- Gilding M., Merlot E., Leitch S., Bunton V., Glezos L., 2013. Media Framing of the Resources Super Profits Tax. *Australian Journal of Communication*, vol. 39, no. 3, pp. 23–40.
- Gomezulu E.S., Sumary D.P., 2013. Community Perceptions on the Impacts of Mining to the Surrounding Communities and on the Natural

REFERENCES

Poddubikov V.V., Kofanova E.A., 2022. Between the Benefits and Ethics: Anthropologists Viewing the Corporate Social Responsibility. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 214–246.

Poddubikov V.V., Osipov K.I., 2014. Land-Use Conflicts in the Areas of the Shor People’s Traditional Economic Activities: Types, Factors and Origin Patterns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no. 3 (59), pp. 122–127.

Ross M., 2019. Political Aspects of the “Resource Curse”. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 4 (126), pp. 35–65.

Riabova L.A., Didyk V.V., 2015. Social License to Operate for the Resource Extraction Companies as a New Instrument of Municipal Development. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, no. 3, pp. 61–82.

Sablin K.S., 2022. Enclave Economies and Political Connections of Big Business in Emerging Market Countries. *Journal of Economic Regulation*, no. 13 (4), pp. 55–64.

Acosta A., 2013. Extractivism and Neoextractivism: Two Sides of the Same Curse. *Beyond Development:*

- Resource Management: A Case Study Around Buzwagi Mining Project. *Tanzania Journal of Natural and Applied Sciences*, vol. 4, no. 1, pp. 582-586.
- Graddy-Lovelace G., 2021. Leveraging Law and Life: Criminalization of Agrarian Movements and the Escazú Agreement. Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London, Routledge, pp. 94-113.
- Gudynas E., 2018. Extractivisms: Tendencies and Consequences. Munck R., Wise R.D. (eds.). *Reframing Latin American Development*. London, Routledge, pp. 61-76.
- Herrero A., Lemkow L., 2015. Environmentally Blind Discourses on Coal Extraction and the Idealization of the Miner in Spain. *Capitalism Nature Socialism*, vol. 26, no. 4, pp. 215-235.
- Kemp D., Owen J.R., Gotzmann N., Bond C.J., 2011. Just Relations and Company-Community Conflict in Mining. *Journal of Business Ethics*, vol. 101, pp. 93-109.
- Koch N., Perreault T., 2019. Resource Nationalism. *Progress in Human Geography*, vol. 43, no. 4, pp. 611-631.
- Kojola E., 2018. Bringing Back the Mines and a Way of Life: Populism and the Politics of Extraction. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 109, no. 2, pp. 371-381.
- Le Billon P., Middeldorp N., 2021. Empowerment or Imposition? Extractive Violence, Indigenous Peoples, and the Paradox of Prior Consultation. Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London, Routledge, pp. 71-93.
- Lehotský L., Černoš F., Osička J., Ocelík P., 2019. When Climate Change Is Missing: Media Discourse on Coal Mining in the Czech Republic. *Energy Policy*, vol. 129, pp. 774-786.
- Magrin G., Perrier-Bruslé L., 2011. New Geographies of Resource Extraction. Introduction. *EchoGéo*, no. 17. URL: <http://journals.openedition.org/echogeo/13093>
- Mason C.M., Paxton G., Parsons R., Parr J.M., Moffat K., 2014. "For the Benefit of Australians": Exploring National Expectations of the Mining Industry. *Resources Policy*, vol. 41, pp. 1-8.
- Murrey A., Jackson N.A., Volonterio M., 2023. Social Licence to Operate: The Role of an Idea in the Colonial Logics of Extractivism. *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 1-18.
- Pinto J., Prado P., Tirado-Alcaraz J.A., 2017. Mediated Neo-Extractivism and National Development. *Environmental News in South America*. London, Palgrave Macmillan, pp. 143-163.
- Raftopoulos M., 2022. Extractivism, Territorialization, and Displacement in Latin America. Jensen S.B., Schröder R., Soriano O.A. (eds.). *Situating Displacement Explorations of Global (Im)Mobility*. Berlin, Peter Lang, pp. 109-124.
- Renfrew D., Santos C., 2017. Mega-Mining Sovereignty: Landscapes of Power and Protest in Uruguay's New Extractivist Frontier. Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.). *EXTRACTIION: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*. New York, Routledge, pp. 31-45.
- Shever E., 2022. Corporations. D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.). *The Anthropology of Resource Extraction*. London, Routledge, pp. 21-38.
- Smith Rolston J., 2013. Specters of Syndromes and the Everyday Lives of Wyoming Energy Workers. Strauss S., Rupp S., Love T. (eds.). *Cultures of Energy: Power, Practices, Technologies*. Walnut Creek, CA, Left Coast Press, pp. 213-226.
- Stammler F., Wilson E., 2006. Dialogue for Development: An Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State. *Sibirica: The Journal of Siberian Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 1-42.
- Svampa M., 2019. *Neo-Extractivism in Latin America. Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives*. Cambridge University Press. URL: <https://maristellasvampa.net/wp-content/uploads/2019/11/libro-Neo-extractivism-in-Latin-America-in-Cambridge.pdf>
- Veltmeyer H., 2013. The Political Economy of Natural Resource Extraction: A New Model or Extractive Imperialism? *Canadian Journal of Development Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 79-95.
- Wolff J., 2017. Contesting Extractivism: Conceptual, Theoretical and Normative Reflections. Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles over Mining and Land*. London, Palgrave Macmillan, pp. 243-255.

Information About the Author

Alexandra E. Piskunova, Junior Researcher, Sector of Urban Studies, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Красноармейская St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Smolny St, 1/3, Entrance 9, 191124 Saint Petersburg, Russian Federation, alexpiskunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>

Информация об авторе

Александра Евгеньевна Пискунова, младший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; аспирант кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, подъезд 9, 191124 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alexpiskunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>